ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

"ОНТОЛОГИЯ": РОЖДЕНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ*

В.К. Шохин

1. Рефлексия над предметной структурой философского дискурса – специфическая особенность европейской философии. Единственная сопоставимая по значимости с европейской автохтонная философская традиция – индийско-буддийская – демонстрирует осмысление процедурных моментов философствования, в виде, например, последовательности таких операций философского анализа, как номинация определенного класса объектов, их дефинирование и исследование последнего[1], но не его предметность. В западной же философии последняя начинает серьезно обсуждаться по крайней мере уже у третьего схоларха Академии – Ксенократа (396–314 гг. до н.э.), различавшего логику, физику и этику, а затем подробно исследуется стоиками. В связи с этим немалый историко-философский интерес представляет вопрос о том, в какие именно периоды какие именно предметные области философского дискурса становятся объектами категоризации.

Можно смело заключать пари, что по крайней мере 19 из 20 студентов, изучающих историю философии, и 9 из 10 преподавателей на вопрос: когда появилось слово "онтология" и у кого? ответили бы, не задумываясь, что в Греции, поскольку они знают, что греки занимались онтологией по крайней мере начиная уже с элеатов, да и сам термин также чисто греческого происхождения и означает в переводе "учение о сущем". Логика их ответа была бы в принципе правильной: вполне естественно, чтобы те, кто чем-то занимаются, в том числе и сущим, нашли и обозначение для того, чем они занимаются. Но философия тем и

* Работа по данной теме, представленная и в настоящей публикации, ведется при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).

[1] Впервые этот синтаксис философского дискурса обсуждается в комментарии Ватсьяяны к "Ньяясутрам" (IV–V вв.) в "Ньяя-бхашье" (I.1.1), а позднее принимается в "Падартхадхармасанграхе" вайшешика Прашастапады (V в.) и в дальнейшей литературе ньяя-вайшешики.

отличается от других дисциплин знания, что для нее характерна, помимо *рефлективности*, также особая *авторефлективность*. Последняя же с неизбежностью должна быть стадиальной, поскольку осмысление себя предполагает значительно большее время, чем осмысление прочих объектов осмысления, а также постоянного уточнения, и вначале люди, как известно начиная с Мольера, просто говорят прозой и лишь впоследствии называют этот процесс "говорением прозой".

Первым из греков, не только исследовавшим сущее, но попытавшимся также осмыслить соотношение предметности этого исследования с другими предметами познания, был Аристотель, предложивший новое в сравнении с ксенократовским деление научных (они же в эллинском сознании и философские) областей знания. Он делит науки на "умозрительные", или "созерцательные" (т.е. "теоретические", ибо "теоретизировать" и значит этимологически "созерцать"), "практические" и "творческие" (Метафизика 1025 b 20–25; Топика 157a 10–15, 145a 15–20). "Созерцательные" науки выше и "практических" (этика и политика) и "творческих" (поэтика и риторика), но сами также оказываются объектом иерархизации, в соответствии со статусом их предметов. "Наука о природе", соответствующая физике, изучает самосущее и подвижное, "некоторые части математики" – неподвижное, но не самосущее, а "первая философия" – высшая из всех наук – самосущее и неподвижное (Метафизика 1026a 10–20). Однако сразу после этого пассажа в той же VI книге "Метафизика" появляется другой, доставивший и доставляющий даже в настоящее время очень много хлопот толкователям Аристотеля и первостепенно важный для осмысления предмета онтологии. Здесь утверждается, что "первая философия" занимается: 1) некоторой божественной сущностью, которая первее тех, коими занимаются учение о природе и математика и 2) исследует "сущее как сущее" (τὸ ὄν ᾗ ὄν) – что такое сущее как таковое и каково все присущее ему как сущему (Метафизика VI, 1026a 20–25, 30–32). Разумеется, перед нами очевидная смысловая амбивалентность: "первая философия" занимается одновременно и высшей, божественной сущностью как одним из видов общего рода сущего и самим этим общим родом сущего, включающим, следовательно, и высшее сущее. Эта амбивалентность у Аристотеля не преодолевается. С одной стороны, в том же самом пассаже VI книги он указывает, что отдельные математические науки, вроде геометрии и астрономии, занимаются каждая отдельной, своей "природой", а общая математика – всем (1026a 25–30), но при этом подчеркивает, что "первая философия" первенствует потому, что изучает "первенствующую сущность", т.е. божественную, с другой – в пассаже XI книги того же сочинения указывается, что наука философа исследует сущее как таковое, а не какой-либо конкретный его "сегмент", при акцентировке того момента, что само понятие сущего является многозначным (Метафизика 1060b 31–1061a 10). В результате предметом "первой философии" законно считать и учение о сущем как таковом и теологию.

Тем, как совместить или, напротив, дифференцировать две предметности "первой философии", занимались такие виднейшие интерпретаторы Аристотеля, как П. Наторп, Э. Целлер, В. Йегер, Дж. Оунс, У.К. Гатри,

И. Дюринг и многие другие[2]. Полагаю, что "дилемму" можно было бы разрешить, допустив, что предметом "первой философии" для Аристотеля является все же "сущее как сущее" с его общими свойствами и атрибутами и предположив, что "неизменное сущее" может также ассоциироваться не только с "Формой форм", но и с идентичностью "сущего как такового" в полиморфности его видов и модусов. Но это, конечно, только гипотеза. А вот что существенно важно, так это то, что попытки решения указанной дилеммы в связи с предметом "первой философии" имели решающее значение и для тех, кто работал гораздо раньше Наторпа и не был, как представляется, удовлетворен идентификацией высшей философской науки как "метафизики", поскольку и данный термин, прижившийся в философской культуре, как известно, весьма рано – после перипатетика Андроника Родосского (I в. до н.э.) – указанной проблемы предметности "первой философии" разрешить не мог, поскольку и сам оказался многозначным. Не могли этого сделать и средневековые схоласты, также неоднократно пытавшиеся достичь ясности в связи с "первой философией"

Между тем потребность в этой ясности была значительной: речь шла об иерархизации и структурализации философских и богословских дисциплин, актуальных для системного мышления, притом не только схоластического в специальном смысле слова. Поэтому возникла и другая потребность – в нахождении нового термина, который самой своей *новизной* смог бы тематизировать то, что уже стало "стираться" при прежнем словоупотреблении и в то же время позволил бы по-новому уяснить значение и "первой философии" и "метафизики" Эта задача и была реализована в немецкой "школьной философии" XVII в. Речь идет о целой философской традиции, которая не вводится в учебные пособия по истории философии в значительной мере потому, что о ней вообще мало кто знает (а те, кто и знает, не придают особого значения, – видя в ней, вероятно, "лишь переходный период от схоластики к новому времени", – в сравнении хотя бы с современной ей немецкой теософией, имеющей к философии отношение значительно более опосредованное), но к которой восходит в значительной мере и современная философская терминология, и предметная структуризация философии.

2. Первым философом, который ввел слово **онтология** для обозначения соответствующего раздела философских изысканий, был, как уже давно установлено, автор нескольких значительных трудов, профессор Гамбургского университета *Р. Гоклений* (1547–1628)[3], который в своем "Философском лексиконе" (1613) различал три "созерцательных дисциплины" – в соответствии с модусами абстрагирования их предметов от материального мира. Абстрагирование от конкретной, чувственной материи дает нам, согласно Гоклению, "абстракцию физическую", т.е., пользуясь термином более поздней, вольфовской эпохи, нечто вроде рациональной космологии. Абстрагирование же от кон-

---

[2] В связи с их трактовками проблемы см.: *Гайденко П.П.* Онтологический горизонт натурфилософии Аристотеля // Философия природы в античности и в средние века. М., 1998. Ч. 1. С. 57–59.

[3] Подробнее о нем см.: *Wundt M.* Die deutsche Schulmetaphysik des 17. Jahrhunderts. Tübingen,1939. S. 57–59.

кретной и всеобщей материи – "абстракцию математическую" и, что в данном случае наиболее важно, "абстракцию онтологическую" (abstractio ουτολογίκή) – учение о сущем и трансценденталиях, т.е. высших категориях-определениях бытия. Наконец абстрагирование от обеих разновидностей материи (как конкретной, так и всеобщей), а также от абстрагирования второго порядка (математического и онтологического) соответствует предмету "абстракции сверхъестественной" или учению о Боге и интеллигенциях, т.е. бесплотных умах[4]. "Онтология", которая занимает, таким образом, промежуточное место среди "абстрактных дисциплин" между рациональной натурфилософией и теологией, определяется как "философия сущего" (philosophia de ente)[5], а ее специальный предмет – как сущее и трансценденталии, т.е. высшие определения сущего, такие как единство, истина или благо.

Некоторые компетентные историки философии считают, что Гоклений не случайно ссылается на испанского иезуита Б. Перерия (ум. 1610), автора опуса "Об общих началах и аффектах всех естественных вещей" (1562), весьма популярного в Германии. Перерию принадлежала инициатива отделения "первой философии" как науки о сущем как таковом от "метафизики" как "божественной науки", коей соответствует теология – учение о Боге, ангелах и человеческой душе (впоследствии его поддержал в этом и виднейший представитель неосхоластики Ф. Суарес[6]), которые были смешаны в единую "высшую науку" у Аристотеля (см. выше), и потому исследователи видят в цитировании Гоклением испанского философа солидарное дистанцирование от Стагирита[7]. На самом деле Гоклений, как представляется, не столько дистанцируется от Аристотеля, сколько достаточно аккуратно следует ему, воспроизводя и его термин "созерцательные" дисциплины и сам их порядок (рациональная натурфилософия, математика, теология). Его непреходящей заслугой, о значении которой он, конечно, сам и не подозревал, было включение во второй ярус этих дисциплин "онтологии", но он, однако, еще не догадался выделить ее в отдельную теоретическую "супердисциплину", по отношению к предмету которой предметы остальных дисциплин были бы "субординированы" как виды.

Вторым философом, упоминавшим термин "онтология", стал *И.Г. Альстед* (1588–1638)[8], который в своей "Краткой энциклопедии философии" (1620) писал: «Метафизика есть наука, исследующая сущее как таковое ("сущее как сущее" – ens qua ens); иными она именуется первой философией, а в "Лексиконе" Гокления – ουτολογία)"[9]. Хотя Альстед заслуженно ссылается на Гокления, он не в пример своему предшественнику уже решился на четкое и осмысленное отделение

---

[4] *Goclenius R.* Lexicon philosphicum. Frankfurt a.M., 1613. P. 16.

[5] Там же. Это уточнение дано в тексте как маргиналия, которая могла принадлежать как самому Гоклению, так и издателю его лексикона.

[6] У Суареса метафизика равнозначна учению об интеллигенциях – духовных началах. Подробнее см.: *Conze E.* Der Begriff der Metaphysik bei Franciscus Suarez. Leipzig, 1928, S. 16–18.

[7] См. к примеру: *Kremer K.* Ontologie // Historisches Wörterbuch der Philosophie / Hrsg. v. J. Ritter. K. Gründer. Basel etc., 1984. Bd. 6. S. 1189.

[8] Подробнее о нем см.: *Wundt M.* Op. cit. S. 80–83.

[9] *Alsted J.H.* Cursus philosophici Encyclopaedia Libri XXVII. Herborn, 1620. P. 149.

универсальной философской дисциплины от тех, предметности которых более конкретны. В сознательной оппозиции Б. Перерию и Ф. Суаресу Альстед жестко отделяет метафизику (= первая философия = онтология) от теологии (= учение о Боге, ангелах и человеческой душе), которую, с целью указанной дифференциации, весьма удачно называет пневматологией, букв. "наука о духах"[10]. Он не ограничивается констатацией различия этих двух дисциплин знания, но и аргументирует само их разделение: одна наука, т.е. метафизика, не может включать в свою предметную сферу такие сущностно несхожие предметы, как всеобщнейшее – generalissimus (сущее как сущее) и уникальнейшее (природа интеллигенций) – singularissimus[11]. Альстед не ограничивается также отделением "науки о всеобщнейшем" от пневматологии, но делит ее дальше на две части: общую (pars generalis), предметом которой являются трансценденталии (см. выше) и специальную (pars specialis), предмет которой – предикаменты или категории, среди которых выделяются субстанции и акциденции[12]. На классификацию Альстеда в значительной мере опирался И. Шарф, чья книга "Пневматика или Пневматология" (1629), само название которой подразумевает, что он отделяет метафизику от "божественной науки", выдержала не менее пяти изданий.

А. Калоу (1612–1686), преподававший в Кенигсберге и Ростоке[13], употребляет Гоклениев термин ονтολογία начиная уже с первой части своих будущих "Философских писаний" – "Божественная метафизика. Общая часть" (1636) не менее 12 раз в заголовках разделов и глав. Новизна трактовки предмета у него – утверждение, что онтология есть специальный предмет метафизики, которая определяется, как и у Альстеда, в качестве науки о сущем (подразумевается "как таковом")[14].

Введение термина "онтология" одно время приписывалось представителю так называемой голландской школы в немецкой школьной философии *И. Клаубергу* (1622–1665), преподававшему преимущественно в Дуйсбурге[15]. Причину этой дезинформации следует видеть, вероятно, в том, что он ввел родственный термин – "онтософия" (ontosophia), отождествляя его, правда, с уже получившей признание "онтологией", которую он первым, по наблюдению Э. Фольрата, транскрибировал полатыни (ontologia), дистанцировавшись, таким образом, в определенном смысле от ренессансного "пиетизма" по отношению к грецизмам[16]. В основном сочинении Клауберга "Начала философии или онтософия" (1647), выдержавшем впоследствии несколько редактированных переизданий, утверждается тождество: метафизика = онтософия = онтология = "универсальная или кафолическая наука" (universalis seu Catholica scientia) и "универсальная философия" (philosophia universalis), предмет

---

[10] Там же. P. 287.
[11] Там же. P. 298, ср. P. 150.
[12] Там же. P. 147–148, 271–272.
[13] Подробнее о нем см.: *Wundt M.* Op. cit. S. 133–136, 257–260.
[14] *Calov A.* Metaphysica divina, Pars generalis. Rostok, 1636, Praec. II. P. 4.
[15] Подробнее о нем см.: *Wundt M.* Op. cit. S. 93–96.
[16] *Vollrath E.* Die Gliederung der Metaphysik in eine Metaphysica generalis und eine Metaphysica specialis // Zeitschrift für philosophische Forschung. 1962. Bd. XVI, Hf. 2. S. 265.

которой определяется весьма неоднозначно: 1) "сущее как сущее", охватывающее как Бога, так и все сотворенное – материальное и нематериальное; 2) учение о всеобщем сущем (doctrina de Ente generalem) и одновременно богопознание; 3) учение о сущем в общем виде (ens in genere) как отделенное от теологии[17]. В целом онтософия есть учение о сущем и его "свойствах" (affectiones), которые Клауберг хотел было поначалу все исчислить и пронумеровать, но вскоре благоразумно осознал неосуществимость поставленной задачи. Он, однако, твердо придерживался наличия трех значений "сущего": (1) как всеобщнейшее и высшее интеллигибельное (intelligibele), которое он ввел, опираясь на терминологию К. Тимплера, и в котором хотел видеть первое, простейшее и даже известнейшее из всех понятий (подобно тому, как позднее у Гегеля таковым станет "бытие"); (2) общее (его он именовал aliquid – "что-нибудь") – интеллигибельное, коему принадлежит, однако, действительность большая той, которая присуща лишь объекту познания, т.е. нечто объективное, эмпирическое[18]; (3) особенное (ens reale) – единичные вещи. Второй срез сущего – интеллигибельное – включает, помимо "чего-нибудь", также и ничто (еще одно существенное заимствование у К. Тимплера), и их сочетание, "взаимодействие" обеспечивает возможность действия основных логических законов, прежде всего закона противоречия. В указанном первом издании его основного труда на те же три "раздела" делились и атрибуты сущего, при этом атрибуты, соотносимые с уровнями (1) и (2), соответствовали общим логическим определениям, а соотносимые с (3) – "реальным атрибутам", которые также, в свою очередь, делились (не без влияния на сей раз Б. Кеккермана и уже известного нам Альстеда) на первоначальные (prima) и вторичные (orta). В целом атрибуты сущего образуют три триады сущности (essentia) – единое, истина, благо; существования (existentia) – пространственное, временное, длительное и произведенности (productio) – множественность, различность, единство.

"Относофию" Клауберга, которую следует рассматривать в ряду других его неологизмов, типа "ноологии" или "гностологии", нельзя признать удачным лексико-философским изобретением. Размытость "мудрости о сущем" наглядно отражается и в его нежелании или неспособности решить для себя ясно вопрос о границах онтологии и философии. Он, безусловно, отошел от Перейры и Суареса, отождествляющих метафизику с тем, что значительно более аккуратно мысливший Альстед выделил в пневматологию как отдельную дисциплину, но зато объединяет онтологию и теологию в рамках единой "универсальной науки" метафизики или онтософии. Его разграничения уровней и атрибутов сущего являются, как и всякое эклектическое построение, весьма уязвимыми с точки зрения и здравого смысла (чего стоит хотя бы "всеобщнейшее" в качестве "простейшего и известнейшего" из всех понятий!), и логики (чего стоит хотя бы включение сущности и существования в класс "атрибутов" сущего!!), и закона экономии мышления (чего

[17] *Clauberg J.* Opera omnia philosophica 1. Amsterdsm, 1691. P. 281, 283.
[18] Принимаем трактовку М. Вундта.

стоит хотя бы "общее" – содержательно весьма смутный гибрид "всеобщего" и "особенного"!!!). Вероятно Клаубергу не давали покоя лавры Раймунда Луллия, поставившего задачей создания "порождающей категориологии", но его благородная задача порождения "всеобщнейшей" сетки онтологических категорий успехом не увенчалась.

Несколько яснее мыслил *И. Микраэлий* (1597–1658), указывавший в "Философском лексиконе" (1653), что предметом метафизики = онтологии (здесь он эксплицитно ссылается на всех названных философов начиная с Гокления) является сущее поскольку оно есть сущее, но тут же поделивший ее на два знаменитых "раздела" – метафизику общую (metaphysica universalis), в коей сущее рассматривается в наиболее абстрактном, недифференцированном значении, и специальную (metaphysica specialis), где рассматривается сущее в чисто спиритуальных субстанциях, каковыми являются Бог, ангелы и человеческие души. Вместе с тем он достаточно внятно отделяет метафизику от теологии[19]. Очевидно, однако, что теология с трудом отделима от того, что Микраэлий называл "специальной метафизикой", а Альстед – пневматологией. Чтобы быть более последовательным, он должен был поэтому включить в "специальную метафизику" и другие разделы, посвященные особым разновидностям сущего, типа космологии, но он этого не сделал.

Значительно более изобретательным оказался *И.Б. дю Хамель* (1624–1706), предложивший в своей "Философии древней и новой" (1678) деление метафизики на три "трактата": 1) онтологию = "первую философию" как "общую науку" (scientia generalis), предмет которой – природа сущего, его начала, свойства (affectiones) и виды (species); 2) этиологию или учение о причинах, составляющую "метафизику в собственном смысле" (Metaphysica proprie dicta) – "надстраивающуюся" над физикой или наукой о материальных вещах и изучающую нематериальные основы вещей или "вещи абстрактные" (ср. выше принципы "созерцательных наук" у Гокления) и 3) естественную теологию (teologia naturalis) – учение о Боге и душах (об ангелах, по мнению Хамеля, нам известно значительно меньше)[20].

Из предложенной Хамелем структуры метафизики становится очевидным, что он очень четко различает в ней генерально теоретическую науку par excellence в виде онтологии как учение о сущем in genere и "эманирующие" из нее, по выражению К. Кремера, дисциплины[21] в виде учения о причинах в целом и рациональной теологии. Можно, правда, отметить, что, определяя причины вещей в виде имматериальных первоначал, Хамель заставляет усомниться в том, что он последовательно различает вторую и третью части метафизики, однако ясное отделение онтологии в собственном смысле от более конкретных по своей предметности метафизических дисциплин стало безусловным приобретением для "философского науковедения", и именно классификацию Хамеля правомерно рассматривать в качестве высшего достижения для XVII столетия. Он почти уже

---

[19] *Micraelis J.* Lexicon philosophicum. Jena, 1653. P. 654, 758, 823.
[20] *Du Hamel J.B.* Philosophia vetus et nova 1–4. P., 1678. P. 314–315.
[21] *Kremer K.* Op. cit. S. 1191.

предначертал структуру изложения "метафизических дисциплин" в латинских трактатах Х. Вольфа, поскольку его этиология в наибольшей мере приближена к вольфовской рациональной космологии.

Явным особняком в этом столетии стоит трактовка онтологии у *Г Лейбница* (1646–1716), которого, как и Клауберга, также вдохновляли идеалы Луллия – в области создания универсальной науки. В одном из своих набросков, названном "Введение в энциклопедию тайнознания" и изданном в 1903 г. Л. Кутюра, философ, определяя заявленную им "общую науку" как "учение о мыслимом во всеобщем значении, поскольку оно есть мыслимое" (ср. определение онтологии как науки о сущем поскольку оно есть сущее), включает в нее множество дисциплин, в их числе логику, искусство изобретения, методику дистрибуции объектов, синтез и анализ, дидактику, гностологию или ноологию (вновь "диалог" с Клаубергом), мнемонику, символику, комбинаторику, искусство изобретения, философскую грамматику, "искусство Луллия", "каббалистику ученых", естественную магию и, наконец, "возможно также и", онтологию. Последняя определяется им как наука о нечто и ничто (scientia de Aliquo et Nihilo), о сущем и несущем, о вещи и ее модусе (Re et modo rei), о субстанции и акциденции[22].

Очевидной новизной у Лейбница является эксплицитное введение в онтологию "отрицательных величин" в оппозициях нечто и ничто, а также сущего и не-сущего, которое едва только намечалось у Тимплера и Клауберга (см. выше), и это "вторжение" представляется чрезвычайно плодотворным в самых разнообразных отношениях. Удивление вызывают разве что его сомнения относительно статуса онтологии в качестве компонента "всеобщей науки": каббалистика и "естественная магия" в указанном качестве никаких сомнений у него не вызывали.

3. Подводя итоги, нельзя не отметить, что слово "онтология" оказалось в числе наиболее удачных и плодотворных философских неологизмов, на которые был столь щедр XVII век. Слово это оказалось не только фонетически более благозвучным, чем "гностология" или "гностика" (общее учение о познании) и менее расплывчатым, чем "археология" (учение о познании в целом), "ноология" (учение об интеллигенции – разуме) или "гексалогия" (учение о том, что присуще интеллекту)[23]; оно стало несущей конструкцией в обособлении "первой философии" от других философских и нефилософских дисциплин. Э. Фольрат был, безусловно, прав, усматривая в утилизации философами "онтологии" действенное средство отделения метафизики от теологии, к коему они стремились, правильно осознавая всю неестественность их отождествления, на котором настаивал решивший "отредактировать" Аристотеля по-своему Перерий[24], и мы бы добавили, что если бы "онтология" не оказалась бы реально в указанном смысле востребованной, она разделила бы судьбу других названных неологизмов-однодневок. Другая задача, поставленная философами перед "онтологией", состояла уже в разделении самой метафизики на универ-

---

[22] См.: Там же.

[23] С соответствующими терминами работали Г. Нолле, Г. Гутке, А. Калоу, Г. Альстед. См.: Wundt M. Ук. соч. S. 245, 257, 259, 237.

[24] *Vollrath E.* Op. cit. S. 269–270.

сальную и специальные составляющие. "Онтология" как наследница традиционной аристотелевско-схоластической "первой философии" и была призвана взять на себя функцию этого теоретического введения в конкретные "метафизические науки". Таким образом, дилемма аристотелевской "первой философии" была, наконец, решена: ее преемницей стала онтология как учение о сущем как таковом или "универсальная метафизика", тогда как учение о высшем сущем было передано в ведомство "специальной метафизики". Но эта тенденция предопределила и тот "распад" потерявшей отчетливые контуры метафизики на конкретные философские дисциплины о сущем во главе с онтологией как наукой о сущем par excellance, который осуществился в латинских трактатах Х. Вольфа. Как наука "о сущем поскольку оно сущее" онтология в качестве "теории метафизики", в отличие от конкретных применений последней, была наиболее успешно сконструирована Альстедом, который счел правомерным включить в нее учения о трансценденталиях и категориях сущего, и затем Хамелем, включившем в нее "принципы", характеристики и классификацию сущего. Нельзя не отметить еще раз и достижение Лейбница, считавшего, что учение о сущем с необходимостью должно рассматривать и не-сущее.

Дальнейшее развитие этих основоположений для рефлексии над предметом онтологии XVII век оставил в качестве "задания" XVIII столетию, но частично предопределил некоторые тенденции и немецкой классической философии, если учесть осмысление структуры философской предметности у Канта или системостроительство Гегеля, чья "Энциклопедия философских наук" в значительной мере следовала в своей структуре различению "метафизики универсальной" и дисциплинам "метафизик специальных". Однако предметность онтологии рассмотренной "школьной философии" определила и значительно более важный вектор всей дальнейшей западной онтологии. Создатели "онтологии", немецкие философы XVII в. начиная уже с Гокления фактически легитимизировали понимание сущего лишь как "объективного", которое следует рассматривать безотносительно сознания познающего и участвующего в нем субъекта, которое таким образом оказывается "за скобками" онтологии. А это означает, что, следуя предлагаемой автором этих строк дифференциации, было "научно" узаконено ограничение онтологии областью ***онтологии бытия***, не оставляющей места для ***онтологии реальности***, которая отличается от первой как раз рассмотрением сущего под углом зрения уровней сознания субъекта. Правда, это не противоречит тому, что указанные признаки онтологии реальности имели место в европейской традиции до немецкой школьной метафизики XVII столетия (вспомним хотя бы о различениях "субъектной" и "объектной" реальности у Иоанна Дунса Скотта или Уильяма Оккама) или, тем более, после – благодаря знаменитой коперниканской революции в философии, произведенной Кантом, в результате которой выяснилось, что не познание сообразуется с вещами, но, напротив, вещи с познанием. Речь идет о том, что онтология бытия стала очень надолго практически единственной "официальным представителем" онтологии как таковой, что и получило отражение в определениях ее предметности в философских и даже нефилософских энциклопедических изданиях, с тем существенно важным последствием, что даже сама категория реаль-

ности в них фактически отождествляется с бытием[25]. Специальное обсуждение этой вполне самостоятельной и, как представляется, кардинальной темы всецело, однако, выходит за предметные рамки настоящей статьи.

ДВА ЭТАПА РАЗВИТИЯ РЕНЕССАНСНОЙ МЫСЛИ

В.М. Богуславский

Поиски путей, ведущих к успешному достижению достоверного, истинного знания об явлениях мира, окружающего нас, а также нашего внутреннего мира, привели к возникновению трех философских учений.

Согласно одному из них, самому оптимистическому, пути, ведущие к истинному знанию, людьми найдены, следуя этими путями они уже достигли ряда абсолютных истин и с течением времени безусловно достигнут тех совершенных знаний, которые им пока еще неизвестны.

Другая доктрина, самая пессимистическая, настаивает, что знание, являющееся истинным отражением имеющего место в действительности (определенных вопросов или всех без исключения вопросов), для нас принципиально недостижимо, нет пути, ведущего к истинному знанию реального положения вещей, ибо препятствия, встречаемые нами на этом пути абсолютно непреодолимы.

Третья теоретико-познавательная концепция исходит из того, что истинность множества положений, признаваемых несомненными всеми (или почти всеми) людьми, доказана не более, чем их ложность; более того, сам вопрос, сможем ли мы когда-нибудь найти неопровержимое доказательство истинности тех или иных наших знаний, остается открытым. Поиски ответа на этот вопрос необходимо продолжать, но никакой гарантии, что они увенчаются успехом, нет.

Сторонники первой из названных концепций именуются догматиками, сторонники второй – агностиками, сторонники третьей – скептиками. Так как скептики часто оперируют аргументами, выдвигаемыми агностиками против познаваемости мира, в философской литературе их нередко отождествляют с агностиками, что, разумеется, совершенно не верно: обстоятельство, которое надо учитывать при рассмотрении скептицизма Возрождения.

Отождествляя скептицизм с концепцией, совершенно дискредитирующей все имеющиеся в нашем распоряжении естественные познавательные средства – разум и опыт – и провозглашающую, что истину нам

---

[25] Классический пример – определение онтологии в очень популярном в настоящее время англо-американском философском лексиконе Т. Хондерика: "Онтология, трактуемая как ветвь метафизики, есть наука о бытии в общем виде, включающей такие проблемы, как природа существования и категориальная структура реальности". См.: The Oxford Companion of Philosophy / Ed. by T. Honderich. Oxford.; NY, 1995. P. 634. Первая и основная часть цитируемого определения полностью соответствует трактовке онтологии у рассмотренных немецких философов XVII столетия, уточнение же в связи с "категориальной структурой реальности" – явное смешение "реальности" с "бытием", поскольку категориальные онтологические системы начиная с платоновской релевантны только в связи с "бытием", но никак не с "реальностью".